

Къ статьѣ „Кое-что объ ульяхъ“.

(Окончаніе).

Если бы былъ изобрѣтенъ такой лежакъ, въ которомъ, по мѣрѣ надобности, можно было бы сразу удлинить и укорачивать соты, не переходя ихъ численность 8—9, тоже разговоръ былъ бы другой, а если такая конструкція и нарушала бы обыкновеніе пчелъ—складывать запасы вверху гнѣзда, зато, ближе бы другихъ подошла къ естественной ихъ жизни и упростила бы работу пчеловода. А такъ какъ этого нѣтъ, то въ силу необходимости, преслѣдуя не одно личное удобство обращенія съ ульемъ, приходится пока «возиться» съ *надставками* и *подставками*.

Мнѣ приходилось наблюдать до шести случаевъ жизни пчелъ безъ участія человѣка и въ помѣщеніяхъ, представляющихъ абсолютный просторъ, а именно: въ подпольяхъ избѣ. Эти семьи имѣли отъ 6 до 9 сотовъ, смотря по силѣ. Одна изъ нихъ, рѣдкой величины, сдѣлала гнѣздо въ 9 сотовъ, при чемъ, средніе соты до $\frac{3}{4}$ арш. шириною и до $1\frac{1}{2}$ арш. длиною. Подполье было хотя и высокое, но теплое. Семья жила зиму и два лѣта, дала роя, и затѣмъ—была помѣщена въ улей. Семья средняго размѣра поселилась въ низкое подполье и была извлечена черезъ три года; у нея гнѣздо было въ 7 сотовъ, длиною въ 5 вершковъ—до самой земли, а шириною въ 20 вершковъ. Эта семья роилась два лѣта подрядъ. Я привожу только два типичныхъ случая, изображающихъ стояка и лежака; остальные же, наблюдавшіеся мной, совершенно аналогичны имъ по расположенію сотовъ, и не было ни одного случая, чтобы гнѣздо по ребрамъ сотовъ было шире ширины самихъ сотовъ. Полагаю, что если бы во всѣхъ этихъ случаяхъ поднять температуру подполья до температуры улья, то эти гнѣзда лишь болѣе—одни спустились бы книзу, а другія—удлинились бы къзади, т. е. совершенно ничѣмъ не обнаружено желанія пчелъ прибавлять новыхъ сотовъ съ боковъ гнѣзда. И такъ, если такіе случаи правила не дѣлаютъ, то и лежаки П. И. оправдать ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только—желаніемъ создать удобство для собственной работы, хотя бы и вопреки удобству жизни пчелы.

Крайне неосторожное сравненіе дѣлаетъ П. И. своего лежака съ ульями другихъ системъ—общепринятыхъ, и такіе свои теоретическіе выводы. Очевидно, есть основаніе пожаловаться на «руководителей», которые «не позволяютъ распространяться новой наукѣ».

П. И. пишетъ, что пчелы, перейдя въ надставку, въ поискахъ матки претерпѣваютъ, Богъ знаетъ, какія мученія и даже—органическія измѣненія—«становятся трутовками» и проч., и это—на разстояніи какихъ нибудь 150 м/м. отъ матки и дѣтки и, подчасъ, на протяженіи одного сота. Какъ-же въ его лежакѣ работаютъ пчелы спокойно на разстояніи, вѣроятно, не менѣе, какъ 500—600 м/м. отъ матки и при томъ, за 10—15 сотовъ отъ нея? Неужели это — опытъ?

Также не понимаю: почему въ лежакѣ П. И. матка, будучи на свободѣ, червить и не червить именно тогда, когда это желательно пчеловоду, въ ульѣ же съ надставкой—наоборотъ: или не червить, будучи отгорожена во всемъ нижнемъ гнѣздѣ, т. ч. семью осенью приходится подкармливать на черву, чтобы не погибли зимой отъ безсилія, или уже червить и въ надставкѣ, и въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, что къ осени получается «колоссальная семья», и тоже—можетъ погибнуть зимою, но уже отъ голода? Или: въ ульѣ съ надставкою «кое-что» бываетъ меду въ надставкѣ, но его «гораздо меньше, чѣмъ въ лежакахъ», и все-таки его «не хватаетъ на зиму». Спрашивается: при нормальной семьѣ, (чѣмъ, конечно, обуславливается надставка) и при наличности взятка, куда же дѣвается весь медъ въ этихъ ульяхъ? Неужели весь поѣдается червой, которой якобы занесены всѣ соты и гнѣзда, и надставки? На всѣ эти вопросы объясненія П. И. нимало не отвѣчаютъ. Въ концѣ-концовъ получается то, что въ ульѣ съ надставкой совершенно нѣтъ и мѣста для меда, и матка въ немъ приспособлена червить сверхъ своей природной нормы, и пчелы, при всемъ желаніи, никакъ не могутъ примѣнить свой инстинктъ сокращенія червленія путемъ заливанія медомъ пустыхъ ячеекъ.

Почему пчелы въ лежакѣ П. И., возвращаясь съ ношею, такъ благоразумно отправляются въ концы лежака черезъ десятокъ сотовъ и сплошь заливаютъ тѣ соты медомъ и брусятъ ихъ, а въ надставку подняться по одному соту сразу не могутъ, а разбрасываютъ медъ въ гнѣздѣ и уже *потомъ* переносятъ его въ надставку и тамъ поѣдаютъ?

Болѣе 15 лѣтъ имѣю дѣло съ надставками и не могу допустить такихъ противорѣчій между стоякомъ и лежакомъ вообще, и съ лежакомъ П. И. въ частности. Если семья нормально развита, и есть взятокъ, то главная медовая работа происходитъ въ надставкѣ, и въ то же время заливаются медомъ свободные отъ червы боковые соты гнѣзда; а переливаніе меда и вообще—его уборка, представляетъ тоже — требованіе закона, и не

думаю, чтобы лежакъ П. И. могъ это устранить, даже при всемъ его желаніи.

Червленіе во время взятка естественнымъ образомъ сокращается въ ульяхъ всевозможныхъ типовъ, которые не представляютъ, соотвѣтственно размѣру семьи и степени взятка, свободного мѣста для складыванія меда. Если лежакъ на столько тѣсенъ, что до *minimum*'а будетъ сведено червленіе во время взятка — радости не много; эта семья, дѣйствительно, въ зиму останется слабой. Если же матка успѣетъ до взятка зачервить всѣ соты, тогда меду не будетъ. Въ ульяхъ съ надставками современнаго типа такихъ явленій не наблюдается, т. к. при устройствѣ ихъ всѣ эти обстоятельства строго учтены. Бываютъ иногда такія явленія, что во время *небольшого* взятка весь собранный медъ помѣщается въ надставку, а въ гнѣздѣ его мало, но по случаю этого нельзя же говорить, что въ надставкахъ вообще «кое-что» меду и его на зиму не хватитъ, а въ лежакахъ подобнаго типа и при условіи плохого взятка все-таки будетъ избытокъ меда. Это неудобство надставокъ съ полурами устраняется теперь введеніемъ въ пчеловодное хозяйства рамокъ *одного размѣра*, т. е. равномерныхъ ярусовъ. И не можетъ быть, чтобы въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда нѣтъ взятка, получилось бы что-то особенное, если магазинъ съ полурами прицѣпить сбоку улья.

Въ ожиданіи «улья машины» поработаемъ съ надставками и въ то же время — въ *раціональныхъ* лежакахъ.

И. Д. Тишковъ.

Наши спеціальныя школы и ихъ роль въ развитіи раціональнаго пчеловодства.

(Продолженіе).

II.

Говоря о значеніи основанной А. М. Бутлеровымъ Бурашевской школы въ смыслѣ выпуска первыхъ работниковъ на почвѣ раціональнаго пчеловодства, нельзя умолчать о другомъ ея значеніи: хорошо оборудованная мастерская ульевъ и другихъ пчеловодныхъ принадлежностей была, можно сказать, первою поставщицею орудій рамочнаго пчеловодства для всей Россіи. При двухъ мастерахъ спеціалистахъ съ помощниками въ лицѣ учениковъ, школа не могла своевременно удовлетворять заказчиковъ. Спеціальная подвода почти ежедневно отправлялась съ заказами на станцію. А это уже довольно характерный признакъ живого дѣла.